

Lotte & Søren Hammer

**ALTING HAR
SIN PRIS**

GYLDENDAL

ПРОЛОГ

Всё имеет свою цену.

Быть может, именно здесь, в бухте Диско на Гренландии, человечеству придется сделать первый взнос в счет уплаты своего огромного долга природе за хищническое ее разорение. И тем не менее это все равно будет всего лишь малой крупницей того, что мы на самом деле ей задолжали. Размышляя об этом, фрау федеральный канцлер обернулась и в очередной раз посмотрела на фьорд.

Министр окружающей среды Дании невольно последовала ее примеру, равно как и журналист, бравший в этот момент у дам-политиков совместное интервью. А зрелище было и в самом деле захватывающим: в лазурно-голубом море лениво покачивались льдины всех мыслимых и немыслимых очертаний и размеров, а прямо перед ними причудливой неровной стеной возвышался белоснежный глетчер, отражающий своими гранями лучи летнего солнца столь яркого, что ослепленные ими зрители вынуждены были жмуриться. Время от времени раздавался глухой треск — от ледяной горы откалывался и отправлялся в самостоятельное плавание очередной айсберг, а в бухте долго еще потом отзывалось многократное эхо.

Выждав пару минут, журналист осторожно кашлянул. Он так и не получил ответа на свой последний вопрос и старательно искал способ как можно тактичнее продолжить беседу, однако поскольку непохоже было, что фрау канцлер собирается отвечать, журналист переадресовал вопрос в слегка отредактированной форме — и на этот раз по-английски — представительнице политической элиты Дании.

— Так ли уж необходимо было отправляться на Гренландию, чтобы разобраться в проблеме глобального потепления? Что нового для себя — такого, о чем нельзя было бы узнать, не выезжая из дома, — сумеют почерпнуть здесь сильные мира сего?

Размышляя над ответом, министр понимающе улыбнулась. Представлялось вполне очевидным, что, говоря о «*сильных мира сего*», журналист имел в виду отнюдь не ее, а исключительно ее гостью — что было, в общем-то, понятно, но оттого не менее обидно, ибо данная тема являлась для госпожи министра довольно-таки болезненной. Аргументацию оппонентов она изучила, можно сказать, уже досконально. После того как несколько месяцев назад она организовала поездку на Гренландию группы американских сенаторов, со стороны политической оппозиции на министра незамедлительно посыпался град упреков в культивировании своего рода «климатического туризма». В известном смысле критика эта была заслуженной: действительно, чтобы констатировать факт таяния полярных льдов, фрау канцлер вовсе не обязательно

было проделать почти 4000 километров, отделяющие Берлин от Илулиссата*. В этом мог убедиться кто угодно, просто-напросто сравнив сегодняшние и десятилетней давности спутниковые снимки Северного полюса. Или Южного, если уж на то пошло. Однако главным, по мнению министра, был вопрос о том, что именно нужно сделать, чтобы в корне изменить сложившуюся ситуацию — или же, если подходить к положению более реалистично, хотя бы ограничить наносимый экологии ущерб. А ответ на это не могли дать ни глетчеры, ни разного рода спутники.

Фрау канцлер отвернулась от окна и, посмотрев на датчанку, лукаво усмехнулась. Заметно было, что она ожидает от нее ответа с не меньшим нетерпением, чем задавший вопрос журналист. От внезапно поразившей ее параноидальной мысли о некоем сговоре, существующем между сидящими рядом с ней немцами, министру стало жарко, и она непроизвольно потянула вниз язычок молнии своей куртки. Тем не менее отделаться от чувства, будто она сидит перед строгими экзаменаторами, ей так и не удалось. Ведь помимо того, что гостья ее представляла 83 миллиона жителей Германии, она имела еще и степень доктора наук по проблемам, связанным с квантовой химией.

Молния поддавалась с трудом, и это дало министру пару лишних мгновений на обдумывание. Наконец, собравшись с духом, она решилась и ответила честно:

* Илулиссат — город в Западной Гренландии, расположенный в 200 км к северу от Полярного круга.

— Ничего.

— Тогда зачем мы здесь?

На мгновение министр задумалась, не стоит ли ей рассказать о судьбе примерно 4000 охотников-гренландцев, на вековом укладе жизни которых пагубное влияние повышения температурного фона сказывается вдвое сильнее, чем на обитателях всех прочих регионов планеты. Тем не менее от этого пришлось отказаться: планируемые ею консультации по вопросу изменения климата должны были носить глобальный характер, так что подобный рассказ был здесь неуместен. Вместо этого она сказала:

— Затем, что политики — тоже люди, и подобные зрелища не сразу ими забываются.

Журналист согласно кивнул, а канцлер широко улыбнулась — оба, по-видимому, остались довольны ответом. Министр подумала, что, быть может, это несколько изменит общий настрой встречи, и у нее все же появится возможность обсудить кое-какие политические проблемы с женщиной, которая в данный момент бок о бок с ней шагала в направлении ожидающих их вертолетов. Фрау канцлер могла бы оказать ей мощную поддержку, высказавшись в пользу проведения через два года в Копенгагене задуманного министром саммита по вопросам мирового климата. До сих пор немку, по всей видимости, в гораздо большей степени интересовали собственные впечатления, нежели обсуждение вопросов политики. Говорила она в основном с входящим в ее свиту

ученым-гляциологом и лишь изредка достаивала своего высочайшего внимания министра окружающей среды Дании.

Как бы там ни было, но надеждам принимающей стороны на проведение политических консультаций не суждено было сбыться, поскольку и в вертолете канцлер сосредоточилась всецело на ученом. Она позаботилась о том, чтобы ему досталось соседнее с ней место, и вскоре, когда винтокрылая машина устремилась вглубь материковых льдов, они уже были увлечены научной беседой, смысл которой министр со своим школьным немецким едва улавливала. Сама она ощущала себя уставшей, и чтобы не уснуть, ей приходилось время от времени пощипывать себя за руку. Картина за бортом была в высшей степени однообразная — сплошные скучные льды, — и сидевший рядом с ней чиновник уже несколько минут как сладко спал. Время от времени он негромко всхрапывал — министр даже хотела было его растолкать, однако передумала, достала из сумки журнал и без особого энтузиазма принялась его перелистывать, пока и сама через несколько минут не задремала.

Последовавшее примерно час спустя пробуждение было внезапным и в высшей степени необычным. Гляциолог, отчаянно жестикулируя, кричал нечто неразборчивое. Канцлер приподнялась со своего кресла и указывала на какой-то объект за окном; чуть погодя она решительно потребовала, чтобы вертолет развернулся. Пилот, помедлив мгновение, безропотно подчинился.

ГЛАВА 1

Главный инспектор уголовной полиции Конрад Симонсен, прищурившись, взглянул на стоящее над сплошной линией горизонта низкое полярное солнце. Там, на краю света, где небо сливалось со льдами, весь мир был окрашен в нежные пастельные тона зеленых и голубых оттенков, как будто сама природа хотела дать понять, что где-то далеко-далеко отсюда есть места гораздо красивее и привлекательнее. Спокойно окончить там свои дни — что могло бы быть лучше?! Но быть жестоко убитым посреди такого великолепия — это казалось неверным, неправильным, попросту говоря, не укладывалось в голове! Он пытался гнать от себя подобные мысли. Действительно, что за глупость! Как будто для нее это теперь имеет какое-то значение. На некоторое время инспектор погрузился в созерцание длинной тени на льду, которую отбрасывала его собственная фигура, затем даже попробовал, вытянувшись в струнку, добраться тенью до крохотных расщелин на ледяном панцире и делал это до тех пор, пока не устали и не затекли руки. Затем он снова покосился на затянутое дымкой солнце, от которого, казалось, исходил не столько свет, сколько холод, и недовольно поморщился. Солнце должно всходить и заходить, а не монотонно перекачиваться по дуге

с одного края неба на другой, соединяя ночь и день в единое целое. Тщетно пытаюсь стряхнуть с себя навалившуюся как-то разом усталость, Симонсен пошире распахнул глаза и подставил лицо ветру. За последние сутки он спал в общей сложности не более трех часов, и ему казалось невероятным, что наступил уже новый день. Прикрыв лицо руками, он несколько мгновений наслаждался темнотой. Интересно, думала ли она напоследок о весенних цветах, о луне, ослепительно-белом песке пляжей или же вспоминала костры в канун Дня святого Ханса?* Едва ли. Все же было нечто оскорбительное, уничижительное в том, что ей пришлось умереть здесь, где нет ничего, где окружающая тебя пустота кажется огромной, бесконечной, где не место ни одному живому существу. Как бы там ни было, но, по сути, тот, кто совершил это убийство, можно сказать, надругался над своей жертвой вдвойне.

Главный инспектор посмотрел на часы и констатировал, что уже половина восьмого по датскому времени. Сколько это будет по гренландскому**, он так сразу сказать не мог. Подавив зевок, Симонсен подумал, что сегодня вымотался больше обычного. Утром он забыл выпить свои таблетки, или точнее — ведь врать самому себе бессмысленно — снова забыл выпить свои таблетки, и теперь чувствовал, что последствия этого сказываются. Отчаянно

* День святого Ханса — аналог празднику День Ивана Купалы.

** Гренландское время — Гренландия расположена в 4 временных поясах. Время в столице и большинстве городов южного побережья острова отстает от датского на 6 часов. Датское время отстает от московского на 2 часа.

хотелось нарушить данный себе зарок и покурить: казалось, будто одна-единственная сигарета — а то и всего лишь половина ее — способна разом прогнать всю накопившуюся усталость. Инспектор машинально похлопал себя по груди — убедился в наличии пачки во внутреннем кармане, — однако затем решил проявить стойкость и на пару минут отсрочить задуманное нарушение режима, чтобы потом был хоть какой-то повод для гордости. Год назад — или, может, уже два? — у него обнаружили диабет. Данное заболевание в сочетании с ежедневной нервозностью, сопутствовавшей его профессии, заставили Симонсена кардинально изменить — или, по крайней мере, постараться изменить — привычный образ жизни.

Ощущая какое-то неясное беспокойство, он снова бросил взгляд на наручные часы. Результат ничем не отличался от прежнего, и чувство тревоги не улеглось. Повернувшись к соседу, он спросил:

— Ты не знаешь, сколько сейчас может быть времени?

Бросив быстрый взгляд на солнце, гренландец-полицейский лаконично ответил:

— Три с лишним.

Немногословность местного коллеги отнюдь не скрашивала время ожидания. Звали гренландца Тронд Эгедэ — вот, пожалуй, и все, что Конраду Симонсену было известно о местном сотруднике. Главный инспектор уже всерьез подумывал о том, чтобы вернуться в самолет и попытаться хоть немного поспать, пока техники-эксперты занимаются своей работой. Жесткое и неудобное кресло, которое он

проклинал всю дорогу сюда из Нуука*, теперь казалось ему в высшей степени привлекательным. Даже краткий сон — все же лучше, чем ничего, да и бессмысленно торчать здесь рядом с немым, как пень, коллегой и глазеть на то, как эти четверо делают свое дело — все равно, сколько за ними ни наблюдай, ни быстрее, ни медленнее работать они не станут. Однако молчаливый местный кадр мог счесть себя задетым его уходом, а в ближайшее время им крайне необходимо сохранять хорошие отношения с полицией Нуука. Существовала, правда, и иная возможность — послать к черту все правила и присоединиться к экспертам. Едва ли он мог так уж сильно им помешать — уничтожить какие-то следы на месте преступления. С другой стороны, однако, была все же изрядная доля риска, что его прогонят. А это уже могло быть унижительным, да и, кроме того, свидетельствовало бы об известном непрофессионализме с его стороны. Так что вывод напрашивался сам собой — главному инспектору следовало оставаться на своем месте и никуда не рыпаться.

Так и не придумав никакого лучшего занятия, Симонсен решил все же завязать беседу.

— Слушай, а как это, едва взглянув на солнце, тебе удалось определить, что сейчас три? Я имею в виду, ведь здесь же нет никакой привязки к местности — или как там это называется, когда по всему горизонту лишь голый лед и больше ничего.

* Нуук (Готхоб) — столица Гренландии.

Гренландец с трудом стянул рукавицу и, закатав рукав куртки, показал свои наручные часы. Снова надев рукавицу, он скупно обронил:

— Вот — тринадцать минут четвертого.

— Стало быть, ты прав.

— Да.

— И это — только по солнцу? Без всяких точных ориентиров?

— Да.

Конрад Симонсен умолк и начал выставлять местное время на своих часах — все ж таки, хоть какое-никакое, а занятие. Внезапно у него возникли некие неприятные сомнения. Сами по себе они мало что значили — так, просто некое неясное ощущение беспокойства, сродни недавнему чувству тревоги. И тем не менее.

— Значит, три тринадцать дня?

Инспектор попытался задать вопрос как можно более небрежно, однако сам почувствовал, что в нем прозвучала нервозность. Гренландец повернулся, внимательно посмотрел на него и лишь после этого ответил:

— Ну да, дня. Ты, никак, из тех, кто путает время суток?

— А что, бывают и такие? Хотя, в общем-то, ты прав — на какое-то мгновение я засомневался.

— Неприятное, должно быть, чувство.

Конрад Симонсен с облегчением кивнул. С трудом выудив из кармана сигареты, он, игнорируя все напечатанные на пачке предостережения, прикурил и жадно затянулся,

ничем не нарушая вновь установившейся молчаливой паузы. Расправившись с сигаретой, он нагнулся, аккуратно потушил ее о лед и убрал окурочек в карман. Гренландец с видимым интересом наблюдал за ним. Главный инспектор попытался продолжить беседу:

— Скажи, а тебе самому здесь часто приходится бывать?

Местный полицейский ухмыльнулся. Лицо его при этом забавно сморщилось, и он стал настолько похож на озорного маленького тролля, что Конрад Симонсен, в свою очередь, не удержался от улыбки.

— Твой напарник, Арне, почему-то тоже так решил. Прости, забыл его фамилию.

Вместо того чтобы показать рукой, он мотнул головой в сторону самолета.

— Арне Педерсен. Его зовут Арне Педерсен.

— Ну да, верно. Так вот, он, как и ты, неизвестно с чего вообразил, что я часто навещаю сюда, на материковый лед. А что? Всего каких-то четыре сотни километров пешочком — это же совсем рядом! И обратно, домой, бодрым и румяным.

Сказано все это было абсолютно беззлобно, скорее с легкой иронией.

— Ладно-ладно, я тебя понял. Разумеется, ты никогда раньше здесь не бывал.

— Не совсем так: я побывал здесь вчера, но вообще-то я в такие места обычно стараюсь не забираться. Да и зачем это мне?

Оба покивали, и на мгновение Конраду Симонсену показалось, что на этом беседа закончится. Однако чуть погодя гренландец сказал:

— Арне Педерсен предупредил, что ты не станешь ничего обсуждать до тех пор, пока сам ее не увидишь. Такой уж, дескать, у тебя принцип.

— Ну-у, это, пожалуй, слишком сильно сказано. Никаких жестких правил я тут не придерживаюсь, хотя, разумеется, предпочел бы немного подождать, если, конечно, ты не возражаешь. Хотя пару моментов вполне можно обсудить и прямо сейчас. Ни для кого не секрет, что это дело мне навесили в спешке, что называется ни с того ни с сего.

Ухмыльнувшись в очередной раз, гренландский полицейский перебил:

— Да уж, наслышан. Арне Педерсен рассказывал, что ты уже совсем было собрался в отпуск. Причем туда, где куда как теплее, чем здесь.

Он снова усмехнулся.

С каждой минутой собеседник нравился Конраду Симонсену все больше и больше.

— Ну да, отдельное спасибо за напоминание, что теперь я как раз должен был быть на пути в Пунта-Кана — это где-то в Доминиканской Республике, если, конечно, ты знаком с географией. Валялся бы там со своей подружкой на песочке под пальмами и ждал, пока не прибудет прекрасный корабль «Легенда морей» Карибских королевских морских круизных линий и не заберет нас в... Уф, мне даже думать обо всем этом не хочется.

— Ладно, не стоит благодарности.

— Как бы там ни было, но информировать меня о том, что именно произошло вчера, в сущности, просто-напросто не было времени, или же никто из тех, с кем я разговаривал, и сами ничего толком не знали. Так что, неужели и вправду сама фрау федеральный канцлер обнаружила покойную?

— Не совсем, хотя, по-видимому, можно и так сказать. Первым ее заметил гляциолог — эксперт по глетчерам, а уж потом он указал на нее фрау канцлер.

— А ты сам был вместе с ними в самолете, когда все это произошло?

— Нет, но тот, кто мне рассказывал, был. Кстати, летели они не на самолете, а на вертолете. Всего там было три вертолета, принадлежащие компании «Эйр Гренланд» большие машины «Сикорские S-61»; ну, знаешь, те, легендарные, красные, мы еще называем их «Си Кингз».

Конрад Симонсен не имел ни малейшего представления, о чем идет речь, и все же исключительно из вежливости лицемерно кивнул и подхватил:

— Ну да, конечно. Красивые машины!

— Вот и я о том же. Значит, в одном вертолете летели канцлер и министр окружающей среды Дании со своими сопровождающими, в другом — агенты службы безопасности и немцы из тех, что рангом пониже, и в последнем — журналисты. Машина с канцлером на борту шла первой. Маршрут был проложен почти по прямой над самым ледниковым щитом от Илулиссата в бухте Диско до Нуука, где дамам

предстояло пересесть на обычные самолеты и отправиться, соответственно, в Копенгаген и Берлин. Так вот, она — канцлер то есть — настояла на том, чтобы сделать крюк вглубь материковых льдов — вероятно, исходя из неверного посыла, что там таяние идет интенсивнее. Как бы там ни было, но она этого пожелала, и никто не стал ей возражать.

— И что, там действительно можно встретить что-то необычное?

— Ничего особенного. После того, как увидишь первую талую лужу — а на глетчере вблизи Илулиссата их предостаточно, — то есть после первых же двух минут полета любоваться решительно нечем, если, разумеется, не считать сотен точно таких же луж. Да и чем глубже во льды забираешься, тем реже и реже их встречаешь, так что, как сам понимаешь, смотреть там практически не на что.

Ответ Конрада Симонсена прозвучал крайне дипломатично:

— Да нет, что ты, пейзажи здесь, в общем-то, впечатляющие, правда, действительно слегка однообразные.

— Н-да, можно и так сказать. Как бы там ни было, но канцлер сочла их поездку весьма интересной, да и гляциолог, разумеется, тоже. Он всю дорогу сидел рядом и читал ей своего рода лекцию. Наверняка к большой досаде министра экологии.

— А она, выходит, вовсе не горела желанием взглянуть на ледниковый щит?

— Она, вероятно, гораздо охотнее обсудила бы кое-какие политические вопросы. Там вместе с ними в вертолете

были два чиновника из Центральной администрации*. Я разговаривал с одним из них, и он признался, что они с коллегой всю дорогу потешались. Никто бы не мог подумать, что канцлер так увлечется ролью студентки. Некоторое время назад к министру окружающей среды приезжали по тому же поводу американцы — разные там сенаторы и прочая подобная публика, — так вот, в тот раз все развивалось совсем по-другому. Они восприняли поездку как своего рода увеселительную экскурсию — один из сенаторов даже попросил разрешения поохотиться на здешних оленей. Может, это и была шутка, однако наша местная пресса, помнится, шумно негодовала. Так или иначе, однако ни один из них не выразил ни малейшего желания полюбоваться пейзажами материковых льдов дольше, чем это было предусмотрено программой.

Конрад Симонсен поспешил вернуть разговор в первоначальное русло:

— В отличие от канцлера?

— Да, вот и я говорю. Вертолет шел на минимально допустимой высоте; кроме того, у каждого члена экспедиции был персональный бинокль, которым, правда, никто, не считая канцлера и гляциолога, так и не пользовался после первого полчаса полета. Как мне сказали, датчане дремали, а немцы стучали на своих компьютерах.

Он ухмыльнулся, а Конрад Симонсен поспешил вставить:

* Центральная администрация (Hjemmestyret) — центральный орган самоуправления Гренландии.

— Что ж, превосходное разделение труда! А что произошло потом?

— На протяжении часа с лишним не происходило ничего. Не знаю, с какой скоростью летают такие вертолеты, но, по-видимому, длилось все это где-то от часа до полутора. Фрау канцлер слушала лекцию по вопросам климата, прочие занимались своими делами. И тут внезапно она и ученый начали наперебой кричать что-то. Поначалу никто ничего не понял: крики были какие-то путаные и бессвязные. Да оно и понятно — ведь не каждый день приходится видеть труп. Затем после небольшой дискуссии пилот развернул вертолет, и они вернулись, чтобы отыскать это место. Так они и оказались здесь.

— Они приземлились?

— Нет, повисели в воздухе пару минут, пока пилот передавал на землю координаты. Кто-то из пассажиров, сумевший сохранить присутствие духа, весьма предусмотрительно велел по радио вертолету с журналистами немедленно улетать, пока вся мировая пресса еще не успела сделать кучу снимков. Разумеется, действовал он, исключительно руководствуясь здравой мыслью, что это может помешать запланированным консультациям по вопросам климата. Сам ведь понимаешь, убийство — гораздо более ходовой товар для прессы, нежели какое-то там глобальное таяние льдов. Тем не менее нельзя сказать, что действия предусмотрительного чиновника полностью увенчались успехом. После того как вся компания вернулась в Нуук, произошла-таки утечка: в руки журналистов попало несколько фотографий,

сделанных из вертолета охраны, которые сразу же заполнили первые страницы газет всего континента. Заголовки были такими: «Канцлер Шерлок Холмс» — в «Бильд Цайтунг» или же передовица «Таймс» — «Канцлер находит убитую девушку». И это только те, что я помню. Датские газеты, разумеется, также поспешили отдать этой теме должное, а CNN вчера вечером пустила соответствующий сюжет в разделе «Горячие новости». Если желаешь, могу подробно изложить.

— Боже упаси, этого и так больше чем достаточно.

— Стало быть, твой коллега был прав. Черт, снова не вспомню его фамилию! У меня вообще с именами плохо — напрочь забываю. Он так и сказал, что ты будешь отнюдь не в восторге от всего этого. Что, не жалуешь прессу?

— Да нет, отчего же — если говорить о прессе вообще. Вот что касается криминальных репортажей, их я действительно не люблю.

— Но ведь именно СМИ сделали тебя знаменитым.

— Знаменитым? Что за чушь?! Вовсе я не знаменитый.

— Ну, известный.

— Кончай эту чепуху, никакой я не известный и не знаменитый.

В подтверждение своих слов Конрад Симонсен даже топнул ногой по льду — и, поскользнувшись, едва не упал навзничь.

— Ладно, как скажешь, однако так или иначе, но, по крайней мере, в Германии тебя, по-видимому, недолюбливают, поскольку именно фрау канцлер настояла на том,

чтобы выдернуть тебя из отпуска под теплым карибским солнышком и зашвырнуть в этот холодильник.

— Да брось ты, даже слушать тебя не хочу.

— Как скажешь, как скажешь. Известные личности всегда правы.

Странное дело, но Конраду Симонсену даже нравилось, что собеседник так шутливо его поддразнивает. Быть может, потому что стоило этому маленькому человечку раскрыть рот, как от него так и веяло дружелюбием. Кроме того, что скрывать, главный инспектор чувствовал себя слегка польщенным.

— Ладно, заткнись.

Они помолчали. Даже не глядя на гренландца, Конрад Симонсен был уверен, что тот ухмыляется сейчас от уха до уха — его выдавало насмешливое хмыканье.

— Я так понимаю, что ты уже имел возможность увидеть ее.

— Ну да, вчера, как я и говорил. Нам же надо было самим убедиться, с чем именно мы имеем дело. Но я лишь взглянул на тело да вот еще ограждение здесь установил — только и всего.

Он кивнул в сторону работающих возле трупа экспертов. Там действительно красовалось ограждение в форме неровного круга, состоящее из забитых в лед металлических штырей, соединенных обычной в таких случаях красно-белой пластиковой лентой.

— Последнее, кстати, заняло около полчаса — лед уж больно твердый. Вообще-то все это, мягко говоря,

ни к чему, но — что поделаешь? — я получил четкий приказ поставить ограждение.

— Она гренландка?

Веселость собеседника как рукой сняло; ответ прозвучал довольно резко:

— А что, есть какая-то разница? Почему ты спрашиваешь?

— С точки зрения серьезности преступления — разумеется, никакой, и вместе с тем огромная разница, что касается юрисдикции и вопросов распределения функций руководства ходом расследования. Кроме того, мне трудно понять, какой помощи ждут от меня, коль скоро речь идет об убийстве местной жительницы из совершенно незнакомой мне среды.

— Нет, она не гренландка, а датчанка. А что касается юрисдикции — то тут можешь не волноваться. Считаю себя руководителем расследования, каковым, впрочем, ты и так являешься, поскольку все заинтересованные стороны сошлись на твоей кандидатуре.

— Все стороны? А что, разве их больше двух?

— Три. Сторон три, и, как я уже сказал, на твой счет между ними не было ни малейших разногласий.

— Что, неужели еще и американцы?

— Я думал, ты сначала захочешь посмотреть на нее, а уж потом обсудить все разом.

— Да я и сам вовсе не против ее осмотреть, и, кажется, если повезет, совсем скоро у меня появится такая возможность. Похоже, первая фаза подходит к завершению.

Конрад Симонсен чисто машинально вновь достал сигареты и тут же подумал, что по большому счету фактически продолжает жить так же, как и жил, правда, теперь к тому же мучаясь угрызениями совести, что еще никому не добавляло здоровья. Смутившись, он сунул пачку обратно в карман. Чуть погодя к ним подошла одна из сотрудниц экспертной группы — датчанка, которая передвигалась довольно странно, с усилием, как будто тщательно рассчитывая каждый свой последующий шаг. Казалось, она пытается сделать максимальное количество шагов, не ступая на свой прежний оставшийся на снегу след, чтобы победить в субботнем розыгрыше лото. Конраду Симонсену она была незнакома.

— Мы уже заканчиваем. Пора будить Арне Педерсена, да, и будьте осторожней — там жутко скользко.

Она махнула рукой в сторону места преступления. Тронд Эгедэ кивком поблагодарил ее — он будет осторожен. Конрад Симонсен подумал, что скользко здесь везде, и благодарить не стал.

ГЛАВА 2

Женщина стояла на коленях в ледяной купели — вырубленной во льду яме — совсем как в небольшой ванне. Она была полураздета: из всей одежды на ней сохранились лишь трусики да разорванная спереди легкая маечка, едва прикрывавшая обнаженную грудь. Лодыжки были туго стянуты серым скотчем, им же убийца наглухо примотал запястья жертвы к ее бедрам. Длинные распущенные черные волосы женщины достигали середины спины. На голову был надет завязанный узлом на шее пластиковый пакет. Распахнутый в немом крике рот с грубо измазанными ярко-красной помадой губами, а также неестественно выпученные, чуть не вылезшие из орбит глаза несчастной ясно свидетельствовали о том, что смерть ей выпала не из легких. Она была спортивного телосложения и на вид никак не старше 25 лет. Ручейки талой воды стекали в тесную ледяную могилу, вмещавшую окоченевшее тело и по-прежнему вмерзшие в материковый лед от коленей до ступней ноги. Справа от ямы кучей была свалена остальная одежда убитой: брюки, куртка, а также искусно связанная шерстяная шапочка с преобладанием трех цветов — голубого, лилового и зеленого. Конрад Симонсен почувствовал, как его потихоньку начинает мутить.

Приблизившиеся к импровизированной могиле трое мужчин действовали неторопливо. Арне Педерсен и Конрад Симонсен принялись медленно огибать ледяную яму, изредка поглядывая на женщину, лицо которой приходилось вровень с их ногами. Полицейский-гренландец остался стоять чуть поодаль. Никто из них при этом не произнес ни слова, как будто каждый боялся нарушить концентрацию внимания коллег. Чуть в стороне зябко переминалась с ноги на ногу позвавшая их к трупу женщина-эксперт. Трое ее спутников давно уже ушли греться в самолет. Наконец и ее терпение лопнуло.

— Вам чем-то помочь? Если нет, то пойду в самолет и выпью чашку кофе, прежде чем мы приступим к процедуре извлечения тела, — сказала она.

Вопрос был обращен главным образом к Конраду Симонсену. Однако вид у него был настолько отсутствующий, что за своего непосредственного начальника предпочел ответить Арне Педерсен:

— А эта яма, в которой она находится, естественного происхождения?

— Как считает мой гренландский коллега, нет.

— То есть кто-то специально вырубил углубление во льду?

— Мой гренландский коллега придерживается именно такого мнения.

— А почему оно подтаяло?

Женщина замялась.

— Не знаю, думаю, виной всему глобальное потепление.

— Но почему именно здесь, где она захоронена?

Эксперт беспомощно развела руками и пожала плечами. За нее ответил Тронд Эгеде:

— Поблизости есть еще несколько участков таяния, хотя это и не вполне закономерно. Вообще-то лед здесь твердый, чуть более рыхлым он становится ближе к побережью. Никакого четкого объяснения, почему она оказалась именно в том месте, где лед подтаял, нет, так что это, по-видимому, следует приписать случайности. Что же касается того, вырубил ли кто-то эту могилу во льду, то вы вполне можете верить ее гренландскому коллеге. Дело в том, что он также и мой коллега, и коль скоро дело касается льдов, он знает, что говорит.

В подтверждение его слов эксперт кивнула и добавила:

— Вот именно.

Сердито зыркнув на женщину, Конрад Симонсен отослал ее в самолет греться, проигнорировав удивленный взгляд Арне Педерсена и его последующий вопрос:

— Чего ты рычишь на нее, Симон? Вроде никаких особых причин для этого нет, да и я с ней еще не закончил.

Так и не дождавшись от шефа никакого ответа, Арне решил поискать объяснения в другом месте. Бросив быстрый взгляд на труп, он сказал:

— Да уж, что тут скажешь, зрелище, конечно, не из приятных. Кроме того, абсолютно непонятно, с чего нам начинать. Даже сам вопрос о том, как она сюда попала, не укладывается ни в какие мои фантазии. Многие сотни километров до ближайшего населенного пункта, как

говорится, посреди полной пустоты. Похоже на классическую загадку с запертой комнатой, только наоборот — я имею в виду, что здесь-то как раз слишком много открытого пространства.

— Я знаю, кто она и как сюда попала.

Арне Педерсен с изумлением воззрился на Тронда Эгеде.

— И ты только сейчас говоришь об этом?

— Мне казалось, вы не хотели иметь никакой информации, пока сами не увидите ее.

— Это только у шефа такие причуды. Что касается меня, то я предпочитаю как можно скорее ознакомиться со всеми имеющимися в наличии фактами. Ну, да ты этого не мог знать. Ладно, валяй, а мы слушаем.

Конрад Симонсен предостерегающе поднял руку и остановил их.

— Чуть позже. Мне нужно еще немного времени.

Арне Педерсен даже не попытался скрыть свое волнение:

— Что-то не так, Симон?

— Я ведь уже сказал тебе, дай мне еще минуту. Неужели это так трудно понять?

Любой другой на его месте пошел бы на попятный, но только не Арне Педерсен. Не обращая внимания на раздраженный тон начальника, он уверенно продолжал:

— Нет, понять это нетрудно. Равно как и то, что я хочу разобраться, что, собственно говоря, с тобой происходит. Ну, так что? Тебе нехорошо?

До Конрада Симонсена наконец-то дошло, в чем тут дело. Не оставалось никаких сомнений, что Графиня или же его дочь Анна Мия — а может и обе они — обсуждают у него за спиной состояние его здоровья. Графиня принадлежала к числу его ближайших сотрудников. Ее настоящее имя было Натали фон Розен, но все предпочитали называть ее Графиней. Все, за исключением его дочери, которая настойчиво звала ее по имени. Быть может, отношения, связывавшие Симонсена с Графиней, были не только деловыми, но и любовными, — он сам так до конца и не мог этого понять. Или, скорее, оба они никак не могли разобраться в данном вопросе.

Вообще-то ничего удивительного в том, что близкие информируют сотрудников о его здоровье, не было. Во время последних нескольких консультаций лечащий врач не скрывал, что настроен отнюдь не оптимистично. Особенно когда Симонсен посетил его на прошлой неделе.

Главный инспектор пояснил:

— Ну да, мне как-то не по себе. Но ты не переживай — здоровье тут ни при чем.

С этими словами он повернулся и хотел было уйти, однако не успел ступить и шага, как Арне Педерсен преградил ему дорогу и посмотрел прямо в глаза. Так они и простояли некоторое время, показавшееся Конраду Симонсену целой вечностью, пока наконец Арне не сделал шаг в сторону, освобождая путь.

Когда Конрад Симонсен окончательно пришел в себя и сделал знак, что готов слушать, гренландский полицейский

извлек из внутреннего кармана блокнот, снял одну перчатку и принялся перелистывать свои записи.

— Зовут ее Мариан Ньюгор. По образованию она — медсестра и работала на ныне ликвидированной американской военной базе в Сёндре Стрёмфьорде, куда попала при посредничестве датской фирмы «Гринланд Контракторс», занимающейся наймом на работу датских специалистов для нужд американских войск на Гренландии. Насколько мне известно, между Данией и США действует соответствующее межправительственное соглашение, где говорится, что весь гражданский персонал на базах в Туле и Сёндре Стрёмфьорде должен состоять исключительно из датских граждан. Правда, в данном вопросе не стоит ловить меня на слове, ибо вполне могут существовать некие не известные мне исключения. Как бы там ни было, однако Мариан Ньюгор занимала должность медсестры с января 1982 года вплоть до своего исчезновения 13 сентября 1983 года.

— В 1983 году? Так она пролежала здесь уже 25 лет? — с трудом сдерживая изумление, воскликнул Конрад Симонсен.

Прекрасно знавший его Арне Педерсен по голосу отметил, что начальник еще не совсем оправился, и что-то его серьезно тревожит. На вопрос же ответил их гренландский коллега:

— Да, верно, и если бы не изменение климата, вполне могла бы пролежать еще пару тысяч лет, пока однажды ее не унесло бы в море с каким-нибудь отколовшимся айсбергом.

Конрад Симонсен продолжил:

— А сколько ей было?

— На момент убийства ей было 23 года, однако, кроме этого, мне о ней мало что известно. Я разговаривал с полковником, командующим базой ВВС в Туле, — кстати, я хорошо его знаю и не раз уже пересекался с ним по работе, — и он пообещал мне раздобыть все необходимые сведения как можно скорее, а это значит действительно очень быстро. Ну, то есть настолько, насколько ему удастся сделать все, избегая контактов с печально известной американской военной бюрократией. В противном случае расследование дела рискует затянуться на долгие годы, однако, слава богу, пока что нет никаких поводов опасаться этого.

— Ты имеешь в виду, что пока в деле не фигурирует никто из американских военнослужащих?

— Точно, и как мне кажется, таковых и не будет.

— А как далеко отсюда находилась эта самая база в Сёндре Стрёмфьорде? — вступил в беседу Арне Педерсен.

— Находится — она до сих пор действующая, только американцев там больше нет. Если округлить, то она где-то в трехстах километрах к юго-западу отсюда.

— Так почему же девушка оказалась здесь?

— Этому также есть объяснение, однако, быть может, сначала вам захочется взглянуть на кое-какие ее фотографии?

Не дожидаясь ответа, он развернул вложенный в конец блокнота лист формата А4.

— Полковник прислал их мне сегодня ночью из Туле — не знаю, получил ли он их из США или извлек из собственного архива. Они хранились в целях опознания, если пропавшая когда-нибудь будет найдена. Стандартная процедура в случае, когда кто-то исчезает.

Арне Педерсен вновь перебил его:

— И часто здесь исчезают?

— Да, к сожалению, такое иногда случается, особенно зимой. Гренландия вообще-то немаленькая, а в некоторых ситуациях можно уйти даже совсем недалеко и заблудиться, и вовсе не факт, что тебя когда-нибудь вновь отыщут.

Склонившись над листом, члены следственной бригады принялись рассматривать фотографии. Сверху был портретный снимок весело улыбающейся молодой женщины, в котором практически отсутствовало какое-либо сходство с проглядывающими сквозь пластиковый пакет искаженными мукой чертами лица жертвы, если не считать ее длинных черных волос. Вторая фотография была сделана летом: та же самая женщина гордо держала в обеих руках свою добычу — форель. Снимок был сделан, несомненно, с юмором, поскольку рыбу такого размера вполне можно было бы держать и одной рукой. Прядь волос женщины, подхваченная порывом ветра, развевалась, как струйка дыма из коптильни.

Конрад Симонсен с особой тщательностью изучил последнюю фотографию. Покончив с этим, он грустно кивнул и спросил:

— Так что же все-таки ее сюда занесло?

— Ее работа. Вам когда-нибудь приходилось слышать хоть что-то о станциях DYE?

Датчане дружно покачали головами.

— Это были своего рода вспомогательные радиолокационные станции, относящиеся к базе в Сёндре Стрёмфьорде. Всего их было пять, и назывались они просто: от DYE-1 до DYE-5. Три из них принадлежали к числу самых уединенных в мире мест, где проживали люди, поскольку от них до ближайших поселений было несколько сотен километров пути. Все эти пять точек были построены в начале 60-х годов как часть американской системы оповещения о ядерных ударах. Они представляли собой своего рода звено в пролежавшей от Аляски через Канаду до Исландии цепи радарных станций, созданной США в целях скорейшего оповещения о появлении русских бомбардировщиков, а позже — межконтинентальных ракет. Четыре первых станции DYE были расположены практически по линии Северного Полярного круга: DYE-1 — на западном побережье вблизи Сисимиута, DYE-2 и DYE-3 — на материковом ледяном щите и DYE-4 на западном берегу близ Аммассалика*. DYE-5 — а это как раз наш случай — стояла здесь особняком, поскольку находилась гораздо севернее прочих станций и, как я уже говорил, в 300 километрах от основной базы в Сёндре Стрёмфьорде. Не имею ни малейшего понятия, почему DYE-5 была построена

* Сисимиут, Аммассалик — поселения на западном и восточном побережьях Гренландии.

не на одной линии с остальными. Может, если бы я был инженером по радарным установкам, то смог бы предложить какое-то логичное объяснение, а может, все это военная тайна. Кто знает...

— Какой величины была станция? — поинтересовался Конрад Симонсен.

— Площадь она занимала не очень большую, зато была высокой. Когда вернемся в Нуук, я покажу фотографии. Одно скажу точно — особой красотой она не блистала.

— А что означает название станций — «DYE»?

— Мне представляется, что оно происходит от названия канадского городка Саре Дуег на восточном побережье Баффиновой Земли у Девисова пролива — этот населенный пункт также входил в систему радаров. Однако полной уверенности в такой этимологии у меня нет. Как бы там ни было, но все пять станций DYE к концу 80-х годов перестали функционировать. Технологии устарели — ракеты русских теперь стало куда более удобно отслеживать с помощью спутников. Первой прикрыли как раз ту, где мы с вами находимся — DYE-5, — причем в отличие от остальных ее уничтожили полностью. Относительно этого из Копенгагена даже пришло соответствующее решение, выработанное где-то в высоких кабинетах — чтобы, дескать, не наносить ущерб природе Гренландии. Американцы должны были прибратся за собой, в чем они — как вы можете или, скорее, не можете заметить — изрядно преуспели. Позже органы самоуправления острова отменили данное решение, так что прочие станции в той или

иной степени сохранились, и две из них даже используются в качестве мест ночевки разными исследователями климата во время экспедиций внутрь материковых льдов.

— А персонал на этих станциях составляли исключительно датчане?

— Часть персонала — в соответствии с договором между Вашингтоном и Копенгагеном о создании военных баз. Вообще-то состав был смешанным, однако начальниками станций и операторами радаров всегда были американцы.

— А те датчане, что работали здесь, проходили проверку со стороны органов безопасности?

— Да, конечно, хотя, по-видимому, она проводилась не особо тщательно. Об этом остается только догадываться — исходя из всех слышанных мною историй о здешних сотрудниках. Вне всяких сомнений, среди них попадались весьма специфические типы, которым, казалось бы, вовсе не место вблизи сверхсекретных установок. По-видимому, считалось, что утечка сведений отсюда просто физически невозможна. Американцев тоже было в чем упрекнуть, но только не в подрыве национальной безопасности. В том числе и в разгар холодной войны.

Конрад Симонсен демонстрировал всем своим видом полное понимание, хотя, признаться честно, довольно слабо представлял себе, о чем именно идет речь. Он спросил:

— Сколько всего народу здесь было? Я имею в виду — сколько человек обслуживает такого рода станцию?

— На разных станциях дело обстоит по-разному. На DYE-5 работало двенадцать датчан с контрактами

по шесть месяцев. Затем вместо них должна была прибыть новая команда, однако, как правило, нередко все сводилось к взаимозамене с теми из персонала другой станции, чьи контракты также истекли. Это, кстати, одна из причин, почему у многих работников в той или иной степени появлялись разного рода странности. Ведь некоторые, таким образом, годами пребывали в окружении вечных льдов. Зарабатывали они здесь весьма прилично, а тратить деньги было практически не на что. Так что, когда они наконец возвращались к цивилизации, часто это кончалось весьма плачевно.

— И что, Мариан Ньюгор тоже принадлежала к их числу?

В вопросе Арне Педерсена прозвучало сомнение. Довольно трудно было представить себе молодую красивую женщину, на целых шесть месяцев изолированную от внешнего мира в компании с одиннадцатью мужчинами.

— Нет-нет, все совсем не так. Здесь были только мужчины, однако в американской армии существует масса дурацких правил — здесь я цитирую самого полковника, который наверняка знал, о чем говорил. Так вот, одним из этих правил было, что раз в год все медицинское оборудование должно проходить контроль врача либо медсестры, и, должен сказать, это положение соблюдалось неукоснительно. Таким образом, 13 сентября 1983 года Мариан Ньюгор прибыла сюда с соответствующей медицинской инспекцией. Сама работа заняла у нее всего пару часов и вообще-то не предполагала никаких контактов со здешними

представителями противоположного пола. И вот в какой-то момент выяснилось, что она пропала, и, сколько потом ни искали, никто так и не смог ее найти. В конце концов поисковым вертолетам так и пришлось вернуться без нее.

Конрад Симонсен перебил его:

— А в какое время дня это случилось? Я имею в виду, было уже темно?

— Насчет времени я не в курсе, но, думаю, когда мы вернемся в Нуук, нас там уже будет поджидать подробный отчет обо всех обстоятельствах ее исчезновения. Мои люди уже над этим работают, да и в Туле, насколько мне известно, тоже. Американцы также обещали мне список тех, кто находился на DYE-5 в то время.

— Такой список мне бы весьма пригодился.

— Ты его получишь. Ну, вот вроде бы и все рассказал. На следующий день с базы прислали внушительные силы, чтобы прочесать местность и найти ее, однако все оказалось напрасно, и теперь совершенно ясно почему. Она могла лежать в своей могиле в ста метрах от станции, и у них не было ни единого шанса ее найти. Думаю, впоследствии ее официально объявили мертвой, однако в настоящий момент не располагаю никакими подтверждениями на этот счет.

— Ты знаешь, как именно расположена ее могила относительно прежней станции?

— К сожалению, нет. Вчера мы потратили несколько часов на поиски остатков DYE, однако безрезультатно. Американцы, когда захотят, работать умеют, так что вовсе

не обязательно, что мы сможем отыскать точное место расположения станции. Хотя завтра с утра я и собирался заняться этим и даже привлечь еще больше народу — если, разумеется, ты не возражаешь.

Последнее замечание относилось к Конраду Симонсену.

— Конечно же, я только «за», и должен отметить, что полиция Нуука проделала огромный объем работы. Просто удивительно, как много вам удалось нарыть за такое короткое время.

Тронд Эгедэ выслушал похвалу с довольной улыбкой. Затем он посмотрел на мертвую девушку и, разом посерьезнев, сказал:

— В свое время мне приходилось не раз сталкиваться с жертвами убийств, однако при виде этого трупа я, признаться, испугался — у меня даже мурашки по спине побежали. Похоже, ты тоже не в восторге от него. Ты ведь поэтому отходил?

Конрад Симонсен недовольно нахмурился:

— К сожалению, не совсем по этой причине. Однако — ты прав, пора заняться осмотром тела. Арне, ты ведь помоложе — так, может, слезишь к ней? Мне нужно, чтобы ты осмотрел ее ногти и рассказал нам, как именно они острижены.

Когда он заговорил о ногтях, оба его собеседника невольно посмотрели на руки женщины, однако с того места, где они стояли, ничего толком видно не было. Пока Арне Педерсен сползал в яму к трупу, гренландец и Конрад Симонсен придерживали его за руки. Очутившись внизу,

инспектор наклонился сначала к одной привязанной к бедру руке женщины, затем проделал то же самое с другой стороны и лишь после этого доложил:

— Она не сама их стригла — ни одна женщина так не искромсает собственные ногти. Такое впечатление, что их резали портновскими ножницами, причем в спешке и неровно. Но как ты догадался?.. О, нет, Симон!

Полицейский-гренландец, похоже, тоже все понял и грустно уставился в лед у себя под ногами. Тем не менее Конрад Симонсен все же счел должным ответить:

— Потому что, к сожалению, я уже во второй раз вижу молодую женщину, с которой обошлись столь отвратительно.

ГЛАВА 3

Погода в Копенгагене в конце лета была крайне неустойчивой. Короткие злые ливни со шквалистым ветром сменялись периодами затишья, когда яркое солнце за считанные минуты высушивало улицы, выманивая народ подышать свежим воздухом. Но стоило лишь выйти за дверь, как очередной налетевший неизвестно откуда шквал снова загонял людей под крышу; те же, кто не смог сразу найти укрытие, оказывались во власти хлещущих струй и моментально промокали до нитки. Сезон отпусков шел на убыль, однако на улицах все еще можно было встретить множество туристов, узнать которых не составляло труда по расслабленной прогулочной походке и слегка небрежной одежде.

Стоя у окна своего кабинета в здании префектуры полиции Копенгагена, Конрад Симонсен всерьез размышлял о том, не началась ли у него депрессия. Прошло двое суток с тех пор, как главный инспектор стоял на ледяном панцире Гренландии, созерцая покоящийся в нем труп Мариан Нюгор, и с того времени он чувствовал, что никак не может отойти. Впервые за всю его долгую карьеру убийство подействовало на него столь угнетающе, что у него никак не получалось заставить себя сосредоточиться исключительно на его раскрытии. Ситуацию не улучшало даже то,

что он прекрасно понимал: нынешнее его настроение, как это ни прискорбно, связано с другим убийством, все обстоятельства которого теперь необходимо будет пересмотреть и оценить заново. Раз за разом он повторял себе, что подобная реакция является только лишним подтверждением его психического здоровья и доказывает, что он еще не окончательно отупел в эмоциональном плане. Но и это не помогало. Фактически ему лишь с превеликим трудом удавалось заставить себя отвлечься от всего этого и заниматься ежедневной работой. Вдобавок сказывалось и плохое самочувствие, игнорировать которое становилось все сложнее и сложнее. В последние несколько дней Симонсена постоянно преследовали зуд и ломота в ногах, он перестал считать выкуренные сигареты; единственное, что ему еще, удавалось, так это с грехом пополам соблюдать диету.

В довершение всех неприятностей нынешней ночью ему так и не удалось уснуть. Голова раскалывалась от мыслей вплоть до того самого момента, когда первые птичьи голоса наступающего дня исполнили шуточный гимн его бессоннице. Но что было хуже всего — сколько он ни пытался, ему никак не удавалось удобно пристроить ноющие ноги. За утро он несколько раз давал себе торжественные обещания записаться на прием к ведомственному психологу, однако, конечно, так этого и не сделал. Как, впрочем, и многого другого, в отношении чего за последнее время неоднократно принимал твердые решения, которые так и не выполнял. Угрызения совести Симонсен давно уже привык откладывать на потом — авось все как-нибудь само собой рассосется.

— Позвонить и сказать, что ты задерживаешься?

В голосе Графини, сидевшей у него за спиной и время от времени бросавшей на него тревожные взгляды, чувствовалась ласковая озабоченность. Главный инспектор ощущал запах ее духов — совсем такой же, как и она сама: свежий, вселяющий оптимизм и настраивающий на позитивный лад. Себя же между тем он чувствовал чем-то вроде корма для рыб. Так и не дождавшись от него ответа, Графиня продолжила:

— Мы вполне могли бы перенести начало на полчаса — ничего страшного в этом не будет. Ведь не горит же, в самом-то деле?!

— Ничего страшного, пусть, черт возьми, подождут, — злобно прорычал Конрад Симонсен.

— Тоже верно, пусть подождут, им это только на пользу пойдет.

— И что им вздумалось поднимать такую шумиху? Чушь какая-то. Ведь с самого начала все задумывалось как простое совещание. Как тут прикажешь работать, когда все кому не лень постоянно являются ко мне с разными дурацкими проверками?!

— Что ж, ты прав — это абсолютно недопустимо.

— Да прекрати ты мне поддакивать! Неужели у самой нет никаких оригинальных мыслей на этот счет?

Наступило тягостное молчание. Вовсе ни к чему ему сейчас все эти приторные охи и вздохи — от них лишь острее чувствуешь жалость к самому себе. Внутри у Симонсена все так и кипело от с трудом сдерживаемой ярости

из-за полного непонимания, которое, казалось бы, демонстрируют все вокруг. Он на миг зажмурился и усилием воли взял себя в руки.

— Прости, Графиня. Я не хотел тебя обидеть.

— Все в порядке, знаю. Кроме того, я ведь не какая-то там кисейная барышня.

Умение не ссориться по пустякам относилось к числу ее неоспоримых достоинств. В противном случае все их отношения уже давным-давно бы расстроились. А так они развивались — медленно, осторожно, как у тринадцатилетних подростков, постепенно притирающихся друг к другу. Маленький шажок навстречу, за ним еще один, еще, и так постоянно.

— Не знаю, сколько раз за последние четыре дня мне приходилось это говорить, — сокрушенно сказал Конрад Симонсен. — Прости, извини, не обижайся! Скоро я готов буду каяться перед каждым, с кем довелось общаться. Вам самим это уже, наверно, противно слышать.

— Не забивай этим голову, Симон. Постарайся сосредоточиться и прийти в себя. Я звоню и говорю, что ты задерживаешься.

Он не стал спорить, тем более что поступить так в сложившейся ситуации было, по-видимому, правильнее всего. Когда Графиня положила трубку, он вернулся к теме прибывших с проверкой незваных гостей.

— А из МИДа кто там приехал?

— Какая-то шишка — насколько мне известно, директор некоего департамента. Не знаю — а точнее,

не помню, — как там его по имени. Ходят слухи, что в аппарате начальника Главного управления полиции весьма всем этим недовольны. Присутствие этого субъекта расценивают там как недопустимое вмешательство, однако кто-то, по-видимому, сумел их урезонить.

— Н-да, вообще-то мне это тоже кажется странным. На каком основании он лезет в наше дело? Или все опять-таки упирается в историю с канцлером? Да нет, не верю, этого попросту не может быть.

— Все гадают — ведь здесь замешаны и немцы, и американцы, и гренландцы, — но в точности никто ничего не знает.

— Может, попытаешься разобраться во всем этом, Графиня? Хотелось бы все же знать, что происходит в рамках порученного мне расследования.

— Ладно, обязательно.

Внезапно Конрад Симонсен улыбнулся — впервые за сегодняшний день.

— Вчера ведь я тебя просил о том же самом? — почти весело сказал он.

— Если распоряжение было бы разумно, его не стоило бы повторять.

Оба рассмеялись, что порядком разрядило атмосферу. Главный инспектор тяжело плюхнулся в свое кресло.

— Ты ведь прекрасно знаешь, во что все это в конечном итоге вскоре упрется?!

— Все мы, разумеется, читали материалы дела об убийстве в районе Стевнс Клинт, и никто не сомневается, что

всех тех, кто участвовал в том расследовании — в том числе и тебя, — это, по-видимому, здорово задевает.

— Да уж, будь уверена.

— Но ведь случаются же ошибки — все-таки все мы люди, а не боги.

— «Собака»! Хорошо еще, она *псом* тогда меня не обозвала.

— Не знаю, о чем разговор, но ты меня всерьез пугаешь. Если ты не в состоянии присутствовать на совещании, мы вполне можем тебя подменить — я или Арне.

— Нет, попытаюсь сам со всем этим справиться. Так будет лучше.

— Может быть.

— На самом деле я отчаянно боюсь того, что может случиться, если я сдамся и выброшу полотенце на ринг.

— Пойми, Симон, жизнь — это не боксерский поединок. Надо бережней относиться к себе. Есть вещи, с которыми в одиночку не справиться. Следует прибегнуть к помощи, профессиональной помощи.

— Сам прекрасно знаю. Скажи-ка лучше, что ты собираешься делать во второй половине дня?

— Зависит от того, что ты собираешься мне поручить.

— Не против проехаться со мной и навестить одну женщину, муж которой покончил с собой в 1998 году?

Графиня ответила не сразу, но Конрад Симонсен и не думал ее торопить. Наконец, спустя некоторое время, она снова заговорила:

— Хочешь сообщить ей, что вы тогда ошибались?

— Что я ошибался.

— Что ты и масса всех прочих ошибались?

— Она все это время верила в своего мужа, ни на секунду не сомневалась в его невиновности, а меня просто назвала собакой. Представь себе — самое сильное выражение, которое она себе позволила, несмотря на то, что именно я сломал ей жизнь, вернее, уничтожил то, что от этой жизни оставалось после того, как над ее дочерью зверски надругались, а потом задушили.

— Ты считаешь, ехать к ней — хорошая идея?

— Я долго над этим размышлял и полагаю, что да. Кроме всего прочего, это самое меньшее, что я могу для нее сделать, — ведь именно благодаря мне был осужден невинный человек.

— Но ведь он не был осужден.

— Нет, был — улики ясно свидетельствовали против него.

— Да, но до суда так и не дошло.

— Самоубийство не лучше. Какой кошмар он, должно быть, пережил!

— Я съезжу к ней с тобой. Вы условились о встрече?

— Да, мы должны быть в Хаслеве к четверем.

— Но учти, если что-то пойдет не так, я сейчас же увезу тебя, как бы ты там ни вопил и ни хныкал. Предупреждаю заранее. Можешь не сомневаться, если возникнет необходимость, я так и сделаю.

Симонсен лишь слегка пожал плечами и попросил:

— Сделаешь для меня еще кое-что? Я тут договорился встретиться сегодня вечером в Хойе Тоструп^{*} с... с одной женщиной. Можешь позвонить и отменить нашу встречу? А я пока схожу ополосну лицо.

Графиня благосклонно кивнула. Нацарапав на листке номер телефона, комиссар протянул его Натали.

— Спасибо! Спускаемся через пять минут.

С этими словами он ушел; Графиня сняла трубку телефона. Она прекрасно знала, кому именно ей предстоит звонить. Склонность Конрада Симонсена время от времени обсуждать свои дела с некой пожилой ясновидящей из Хойе Тострупа была, пожалуй, одной из наименее охраняемых тайн их убойного отдела, хотя перед шефом все сотрудники неизменно делали вид, будто им ничего неизвестно. Что касается самой Графини, то хотя она и не имела никаких предубеждений по отношению к так называемым ясновидящим, однако ее немало испугала та форма, которую приняла телефонная беседа. *Вцепись в Стина Хансена, Баронесса, и ни в коем случае его не отпускай. Прилипни к нему как репей и ни за что не дай себя стряхнуть. Это вопрос жизни и смерти. Во что бы то ни стало, Баронесса, во что бы то ни стало. Нет ничего важнее этого.*

Без всяких дополнительных уточнений или пояснений — одно лишь настоятельное указание. Повторенное, как крик о помощи, дважды, трижды, пять раз — она

^{*} Хойе Тоструп — квартал города Тоструп, расположенного вблизи Копенгагена.

не помнила, сколько точно, — сухим хрипловатым голосом, и продолжавшее звучать эхом даже после того, как Графиня, окончательно сбита с толку, пообещала выполнить то, что от нее требуют. А это обращение — *Баронесса!* Какое-то неприятное, прямо-таки зловещее, что ли?! Она на некоторое время задумалась, с отсутствующим видом глядя куда-то вдаль, и наконец приняла решение. Во-первых, ничего не рассказывать Конраду Симонсену о состоявшемся разговоре — у него и без того проблем хватает, — и во-вторых, тоже пойти ополоснуть лицо.

Тем не менее, когда они уже шли по коридору в направлении зала заседаний, обоих как будто прорвало. Может, они слишком торопились, выходя из кабинета, и потому не успели обсудить все вопросы, и вот теперь, когда представилась такая возможность, пытались наверстать упущенное. Конрад Симонсен осторожно начал:

— Черт возьми, боюсь, как бы не расплакаться, когда начну рассказывать о ней. Хнычущий начальник убийного отдела — то еще зрелище.

— А что, если тебе ограничиться лишь предысторией, а продолжит уже Арне? Я же ясно вижу, тебе просто необходимо отдохнуть.

— Хорошо, так и решим.

Быстрое согласие шефа было настолько неожиданным, что Графиня даже поперхнулась — выходит, зря она старалась, заранее придумывая аргументы в защиту своего предложения.

Они прошли мимо уборщицы, которая старательно снимала с потолка паутину пестрой щеткой, насаженной на длинную бамбуковую палку. Поравнявшись с ней, они, не договариваясь, дружно умолкли. Женщина мельком улыбнулась им, не отрывая взгляда от потолка и делая свою работу. Когда они отошли настолько, что она уже не могла их слышать, Графиня продолжила:

— Кроме того, полагаю, тебе стоит подумать о том, чтобы на недельку переехать ко мне. Мне кажется, тебе это сейчас совсем не повредит.

Предложение было неожиданным. Вроде бы настолько далеко они еще не продвинулись. По крайней мере, до сих пор им обоим так казалось. И тем не менее Конрад Симонсен даже не сбавил скорости, отозвавшись:

— Что ж, охотно.

Подчас жизнь гораздо проще, чем мы пытаемся представить ее себе. Мягко положив руку на плечо спутника, Графиня остановила его. Прежде они никогда не целовались на работе, да и вне ее это случалось не так уж часто. Однако сейчас это произошло. Поцелуй вышел в высшей степени добропорядочным: на подобающем расстоянии, вытянутыми в трубочку губами — совсем как в каком-то водевиле.

Брат и сестра **СЁРЕН** (1952) и **ЛОТТЕ** (1955) **ЯКОБСЕН** (псевдоним **ХАММЕР**) начали совместную писательскую деятельность в 2008 году, выпустив свой первый детективный роман «Зверь внутри», сразу же ставший бестселлером в Дании и на европейском книжном рынке (книга переведена на 16 языков, в том числе и на русский). С 2008 по 2016 год писательская пара опубликовала 10 детективов, героями которых стали главный комиссар уголовного полиции Копенгагена Конрад Симонсен и его коллеги из отдела по раскрытию убийств.

Среди льдов Гренландии найдено тело убитой 25 лет назад молодой женщины. Расследованием занимается отдел убийств копенгагенской полиции под руководством Конрада Симонсена. Обстоятельства смерти женщины напоминают Симонсену одно из давних дел, к расследованию которого он имел непосредственное отношение. Дело растет с пугающей быстротой, вскрываются все новые и новые эпизоды. По непонятным причинам ход расследования становится объектом пристального внимания администрации премьер-министра страны.

www.gorodets.ru

ISBN: 978-5-907085-95-4

GYLDENDAL

25 ЛЕТ издательскому дому

ГОР ОДЕЦ

